Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XVI)
Международной конференции молодых ученых
(9—11 апреля 2015 г.)

Выпуск 16

Издательство Томского университета 2015

ТИК Н. А.

История переводов романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин” на итальянский язык.

В статье рассматривается история переводов романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин” в итальянской литературе XIX – XXI вв. В настоящее время в Италии существует девять полных переводов романа “Евгений Онегин”, выполненных с 1856 по 2006 гг., в статье дается предварительная характеристика некоторых из этих переводов, ставится проблема перевода “романа в стихах”, вопрос о возможности адаптации подобного произведения с сохранением всех его поэтических свойств.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Евгений Онегин, итальянская литература, рецепция, русская литература, перевод.

Актуальность данного исследования обусловлена возросшим интересом современной гуманитарной науки к проблемам межкультурной коммуникации, интернациональных литературных связей и роли переводов в них. Необходимость раздвинуть рамки национального литературного процесса и обратиться к “чужому” тексту – закономерный этап в истории развития любой литературы, потому что в процессе диалогического взаимодействия происходит самоопределение национальной литературы, уяснение своей собственной сущности. Рассуждая о роли переводной литературы, В. М. Жирмунский определяет ее как органическую часть литературы оригинальной, потому что творчески освоенные переводы неотъемлемо входят в состав принимающей литературы, включаясь в процесс ее развития и занимая в ней свое, совершенно особое место, отличное от места оригинала, и в определенных исторических условиях влияют на социальную и культурную жизнь общества не меньше, чем оригинальная литература.

История переводов романа «Евгений Онегин» на итальянский язык началась в 1856 г. В настоящее время в Италии существует девять полных переводов романа, выполненных с 1856 по 2006 гг.:

1. Luigi Delatre, “Evgenii Onegin” 1856 (прозаический перевод)
2. Giuseppe Cassone, “Eugenio Anieghin” 1906 (поэтический перевод)
3. Ettore Lo Gatto, “Evgénij Onégin”, 1925 (прозаический перевод)
4. Ettore Lo Gatto, “Evgénij Onégin”, 1937 (поэтический перевод)
5. Eridano Bazzarelli, “Eugenio Onieghin”, 1960 (прозаический перевод)
6. Giacinta De Dominicis Jorio, “Evgenij Onegin”, 1963 (прозаический перевод)
7. Giovanni Giudici, **“Eugenio Onieghin”,** 1975 (поэтический перевод)
8. Pia Pera**, “Evgenij Onegin”, 1996** (поэтический перевод)
9. **Fiornando Gabbrielli,** “Eugenio **Onegin”, 2006** (поэтический перевод)

Из них четыре перевода выполнены в стихах и пять в прозе, всего один перевод выполнен в XIX веке, один – в XXI веке, и семь – в XX веке.

Как вообще могло возникнуть переводческое решение переводить «роман в стихах» прозой? Все дело в итальянской традиции стихосложения.

Романская традиция вольного и белого стиха восходит к Возрождению. Вся новоязычная поэзия романского средневековья была рифмованная, и гуманисты Возрождения “памятуя, что у греков и римлян не было рифмы, считали ее выдумкой извращенцев варварского вкуса, склонного к пустым побрякушкам, и мечтали изгнать ее из поэзии — хотя бы из высокой поэзии античного образца”[1]. В романском стихосложении рифма была уделом народной поэзии. И до сих пор итальянская традиция переводить рифмованные стихи прозой достаточна устойчива, в переводческой практике считается нормой пожертвовать стихотворной формой (несмотря на потери на уровне ритма и звукового оформления), чтобы в более полном объеме донести до читателя содержание произведения.

Даже при беглом взгляде на хронологию переводов, возникает закономерный вопрос — почему роман начали переводить так поздно, учитывая, что другие произведения А. С. Пушкина были переведены уже в XIX веке, а некоторые еще при жизни писателя (например, перевод стихотворений «Демон» и «Пророк» Миньято Риччи в 1828 г., «Кавказский пленник» в переводе Роккиджани в 1834 г., «Цыгане», «Бахчисарайский фонтан» в переводе Ч. Бочеллы в 1841 г. и т.д.). Одну из версий ответа на этот вопрос дает исследователь Н. П. Прожогин в своей статье «Переводчик Пушкина Чезаре Боччела». Прожогин ссылается на сборник переводов Ч. Боччелы «Четыре главные поэмы Александра Пушкина, переведенные Чезаре Боччеллой» («I quattro poemi maggiori di Alessandro Pouschkine, tradotti da Cesare Bocceola», 1841), в предисловию к которому сам переводчик дает следующее определение пушкинского романа в стихах: “живописание нравов провинции, весьма далеких от утонченности нравов больших городов, в глазах обитателей которых первые, часто несправедливо, выглядят столь смешными <...> вещь сугубо местная, которая никогда не могла бы представить всеобщего интереса для публики, не знакомой с Россией”[2]. Н. П. Прожогин приходит к выводу, что Бочелла не сумел должным образом оценить одно из лучших творений Пушкина и пребывал в твердой убежденности, что роман не будет интересен публике за пределами России, формируя это мнение у своих современников и соотечественников.

Тем не менее, в 1856 году, во Флоренции все-таки появляется первый (и последний в этом столетии) полный прозаический перевод “Евгения Онегина” на итальянский язык в составе сборника прозаических переводов француза Луиджи Делатра “Поэтические рассказы Александра Пушкина, русского поэта” (“Racconti poetici di Alessandro Puschkin, poeta russo”). Но перевод этот далек от совершенства. Делатр постоянно отступает от оригинального текста, прибегая к его собственному толкованию, в некоторых местах обнаруживает абсолютное непонимание смысла пушкинских стихов и очевидную некомпетентность в вопросах знакомства с реалиями русской культуры.

В XX в. в связи с развитием русско-итальянских связей, интерес к русской литературе вообще и к Пушкину в частности возрастает, ситуация меняется — роман начинают активно переводить.

Первый перевод Джузеппе Кассоне (1906) выполнен традиционным итальянским метром — одиннадцатисложным стихом, это первый стихотворный перевод, о чем сообщается и в заглавии самим автором — "Prima versione metrica italiana".

Авторство второго перевода (1922) [3] принадлежит Этторе Ло Гатто, известному итальянскому слависту, историку литературы и искусства, играющему ведущую роль в формировании образа России в Италии и посвятившему изучению творчества Пушкина более полувека своей исследовательской деятельности. Перевод выполнен в прозе, отдельный интерес представляет переводческий комментарий Ло Гатто, в котором он дает подробные исторические и бытописательные сведения о русской культуре. На этом Ло Гатто не останавливается и через 15 лет (1937) предлагает итальянскому читателю стихотворный вариант перевода романа, для которого он выбирает традиционную итальянскую форму — одиннадцатисложник. Выбор этой стихотворной формы высоко оценил Вяч. Иванов, написавший в предисловии к переводу следующее: "Не хватало до сих пор не только верного, но и художественного итальянского и,— что существенно,— исполненного в чисто итальянских рифмах, перевода"[4]. Следует отметить тот факт, что Иванов не только написал предисловие, но в совершенстве владея итальянским, помогал Ло Гатто на протяжении всей работы над поэтическим вариантом перевода.

Выход в свет поэтического перевода Этторе Ло Гатто стал одним из главных событий юбилейного 1937 года в Италии и был встречен множеством положительных отзывов. Тем удивительнее признание, которое делает Ло Гатто в своих письмах к Вяч. Иванову, отрекаясь от своего перевода и называя его "самой большой глупостью"[5] своей жизни: "Я был прав, когда хотел бросить «Онегина» в огонь! <...> В целом пребываю в глубоком унынии и упадке. Я решил вернуться к моим ученым трудам, дав пинок поэзии. Простите мне эту горячность. Вам я всегда благодарен за дружеские чувства и благожелательность, хотя и не в полной мере, ибо это Вы настояли на том, чтобы я опубликовал мой перевод, который, как я и предвидел, отравит мне существование"[6].

Затем в истории переводов романа следует перерыв почти в четверть века, и в 1960-х итальянский читатель знакомится с двумя новыми, на этот раз прозаическими версиями романа: переводами Эридано Баццарелли (1960) и *Джачинты де Доминичис Йорио (1963)*.

В 1975 своей цели — перевести "роман в стихах" стихами — достигает итальянский поэт Джованни Джудичи. Изначальным его намерением было перевести роман оригинальным четырехстопным ямбом, в итоге перевод выполнен девятисложным стихом, но это не стандартный итальянский

novenario, количество слогов в нем варьируется от семи до десяти, и благодаря такой имитации пушкинского метра Джудичи удается сохранить музыкальность оригинала. Этот перевод вызвал достаточно противоречивые оценки среди итальянских критиков и ученых-славистов: от восторженных до прохладных, и даже пренебрежительных. Но, несомненно, он заслуживает особенного внимания как прекрасный образец восприимчивости поэта-переводчика к "чужому" тексту, способности выйти за пределы традиционного итальянского поэтического канона, найти подходящий размер и использовать его в своем переводе.

И последние два перевода, также стихотворные, выполнены в 1996 году Пиа Перой (набоковед, автор нашумевшего романа "Дневник Лолиты") и в 2006 — Фиорнандо Габриелле. Оба переводы печатаются вместе с оригинальным текстом на русском языке.

Особый интерес представляют вступительные статьи и примечания к некоторым переводам самих авторов (Э. Ло Гатто, Дж. Джудичи, Э. Баццарелли), в которых они освещают вопросы, связанные с собственным восприятием романа и переводческими принципами работы над ним.

Что побуждает итальянских переводчиков вновь и вновь обращаться к "Евгению Онегину"? Вот что об этом пишет автор последнего на сегодняшний день перевода, Ф. Габриелле в предисловии к роману: "Perché una nuova versione dell'Onegin, <…>? Potrei rispondere semplicemente perché a questo mondo non si è mai contenti di nulla, e forse sarebbe la ragione più valida, seguita dall'emulazione, dalla vanità del non così ma cosà, dal piacere di comunicare agli altri le emozioni che un capolavoro del genere (considerato la gemma più preziosa delle lettere russe) suscitò in me fin dalla prima <…> decifrazione dell'originale"[7].

Таким образом, несмотря на сравнительно позднее обращение к роману, восемь переводов за последние сто лет свидетельствуют о том, что процесс проникновения "Евгения Онегина" в итальянскую литературу и культуру — процесс сложный, противоречивый, не прекращающийся до сих пор. В связи с чем представляется значимым выявить общественно-исторические и культурные предпосылки и условия, при которых в определенный период данный "чужой" текст делается необходимым, проследить каким образом он вписывается в национальный историко-литературный контекст, а также выяснить каковы возможности передачи подобного произведения с сохранением всех его поэтических качеств и исследовать проблему жанровой природы романа в контексте итальянской литературной традиции.

Примечания

1. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха.— М: Фортуна Лимитед, 2003.— С. 133.
2. *Прогожин Н. П.* Переводчик Пушкина Чезаре Бочелла // Временник Пушкинской комиссии.— Л: 1981.— С. 61.
3. Опубликован в 1925.

4. Вячеслав Иванов. Лик и личины России: эстетика и литературная теория.— М: Искусство, 1995.— С. 653.
5. *Шишкин А.*Б, *Сульпассо Б.* Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов: исследования и материалы, вып. 1.— Спб: Издательство Пушкинского дома, 2010.— С. 775.
6. *Шишкин А.*Б, *Сульпассо Б.* Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов: исследования и материалы, вып. 1.— Спб: Издательство Пушкинского дома, 2010.— С. 774.
7. *Gabbrielli F.* Premessa alla traduzione dell' "Eugenio Onegin", 2006, С. 3. Электронный ресурс. Режим доступа на 10.04.2015: http://www-5.unipv.it/girardi/Aleksandr_Pushkin-Eugenio_Onegin.pdf
"Зачем еще один перевод "Онегина", <...>? Я мог бы ответить — всего лишь затем, что в этом мире вы никогда ничем не будете довольны полностью, и возможно, это было бы наиболее веским основанием, вытекающим из соперничества, тщеславия выражения "нужно так, а не иначе", из удовольствия передавать окружающим эмоции, которые этот шедевр (считающийся самой ценной жемчужиной русской литературы) пробудил во мне с первой <...> расшифровки оригинала". Пер. мой.

ФАХРЕЕВА Л. Ф.

Великий грешник как метагерой в романах пятикнижия Ф. М. Достоевского

Образ Великого грешника рассматривается как метагерой, который появляется в каждом романе пятикнижия Ф. М. Достоевского. В статье приведен анализ основных особенностей образа Великого грешника. Исследуются истоки формирования подобного персонажа, связь с философией писателя.

Ключевые слова: метагерой, Достоевский, Великий грешник.

Среди персонажей Достоевского наиболее загадочны и неоднозначны герои — «преступники», чьи идеи расположены между двумя полюсами: «идеалом Содома и идеалом Мадонны». Подобные действующие лица возникают практически в каждом романе Ф. М. Достоевского, в связи с этим можно предположить, что для писателя было очень важным рассмотреть подобный тип. Такие герои-преступники, в первую очередь, соотносимы с образом Великого грешника, интерес Достоевского к которому известен всем. Именно такой герой стоял в центре замысла «Жития Великого грешника».

Итак, в «Преступлении и наказании» мы встречаемся со Свидригайловым, в «Идиоте» возникает страстный и трагический образ Рогожина. В «Подростке» — это Версилов, чьи демонические черты в конечном варианте романа размыты, но все же прослеживаются. В «Бесах» — это Ставрогин; в «Братьях Карамазовых» — Федор, Иван и Дмитрий Карамазовы.

Основание для сопоставления данных героев связано в первую очередь с философией Достоевского. Основная тайна человека состоит, по